

Алексей Толстой и Палех

(К 75-летию со дня рождения писателя)

«... Моя Родина, моя родная земля, мое отечество, — ... в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...» Так писал Алексей Николаевич Толстой в годы Великой Отечественной войны в знаменитой своей статье «Что мы защищаем».

В жизни и творчестве самого писателя горячая любовь к Родине нашла исключительное многообразное выражение. Одно из проявлений ее — глубокий интерес к родному искусству, к многовековому народному творчеству русского народа, которое он считал «бесконечно великим» и по качеству «замечательным». Не случайно и в Горьком, великом писателе-патриоте, Толстого привлекало «страстное отношение к творчеству» — «от какой-нибудь палехской шкатулки, от хорошо спетой народной песни до архитектурных проектов Большой Москвы».

Отношение А. М. Горького к искусству советского Палеха достаточно известно: оно было для Горького «одним из маленьких чудес, созданных революцией». «свидетельством о пробуждении творческих сил в массе трудового народа». Горький много сделал для пропаганды работ палехских художников, оказывал им большую помощь.

Одновременно с Горьким, иногда не без его влияния, самобытной и оригинальной живописью палешан заинтересовался ряд советских и зарубежных писателей: Д. Бедный, И. Дренбург, Ромен Роллан, Поль Вайян Кутюрье, Нурдаль Григ и другие. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют отнести к числу ценителей палехского искусства и Алексея Толстого.

Перед нами неопубликованная переписка А. Н. Толстого и иванов-

ского писателя Ефима Федоровича Вихрева, автора книги «Палех», вышедшей первым изданием в 1930 году.*)

6 июля 1931 года Вихрев сообщил, что у него имеется для Алек-

ское изделие... У нас в Детском есть большие любители Палеха, там у известного Бонч-Бруевича хорошая коллекция первоклассной Палехи...»

22 июля Е. Ф. Вихрев написал А. Толстому, что получил от него деньги и письмо. Далее в письме говорится: «Миниатюра, которую я вам посылаю, — более или менее обыкновенная, хотя и принадлежит кисти очень хорошего, думающего мастера. Палешане говорили мне, что они могут сделать вам и еще что-нибудь. Вы можете предложить им собственную тему. Если будете заказывать, советую поинтересоваться в виду следующего: Ив. Голикову — заказывайте такой сюжет, в котором (ором) были бы всадники, Ив. Баканову заказывайте тему мирную, не батальную, Вакурову — что-нибудь сказочное, Маркичеву, Зубкову — деревенское, колхозное, Зиновьеву: пусть он сам придумает тему, в которой бы древнее органически сочеталось с новым (как он сделал «Суд пионеров над лешим», «Электрожарптицу» и пр.)».

Ответ А. Толстого на это письмо Вихрева, датированный 30 июля, представляет особый интерес, так как в нем дается оценка палехского искусства и высказывается мысль о дальнейших путях его развития. Приводим письмо А. Толстого полностью:

«Дорогой тов. Вихрев, спасибо, чудную миниатюру Зиновьева получил. Это очень хорошо. Это выше, конечно, персидской миниатюры, если не брать их лучшие образцы. В Палех я написал (Зубкову) и просил его — предложить Ив. Голикову сюжет: «Красные сбрасывают конный корпус Улагая в Днепр»... Мне хочется получить та-

кую вещь, в которой Голиков дал бы хоть черточки современности. Я написал, что дело было на закате, Днепр озарен закатом, белые бросаются с высокой кручи с конями, пушками и обозами... Момент модернизации очень был бы интересен. Напишите об этом Голикову. Палехское искусство должно двигаться в сторону современности, но с чрезвычайной осторожностью, разумеется, — т(ак) к(ак) очень тонко и хрупко.

Хотелось бы, чтобы сюжет Голиков написал на подносике, чтобы можно было обрамить и повесить.

Еще раз спасибо вам.

Ваш Алексей Толстой».

Выполнил ли Голиков просьбу А. Толстого, — установить не удалось. Всего скорей нет, так как никто из старых художников Палеха не помнит о работе Голикова на тему, предложенную писателем. Однако интерес к искусству Палеха, раз возникнув, не пропадает у Толстого. В 1933 году писатель высказал пожелание, чтобы палешане проиллюстрировали его роман «Петр Первый». Об этом можно заключить из письма Е. Ф. Вихрева к писателю от 12 октября, где есть такие строчки: «Послали ли вы «Петра» в Палех? Если нет — шлите на мое имя, — я передам и проконсультирую».

По свидетельству палехского художника Николая Федоровича Вихрева, Толстой прислал в Палех несколько экземпляров своего романа. В оформлении произведения должны были принять участие восемь человек, в том числе Ф. А. Каурцев, у которого и книги до сих пор сохранились, А. В. Котухин, И. В. Маркичев и другие. Однако работа эта по каким-то причинам была прекращена.

Интерес писателя к Палеху не исчерпывается приведенными выше фактами, он нашел продолжение и в его творчестве. Мы имеем в виду образ Андрея Голикова, «иконописца из Палехи», нарисованный во втором и третьем томах романа «Петр Первый». Фигура Голикова

в романе, по-видимому, целиком вымышленная, какой-либо исторический прототип этого персонажа неизвестен.

Обращает на себя внимание фамилия героя: она совпадает с фамилией самого значительного и талантливого художника советского Палеха — Ивана Ивановича Голикова. Этим писатель как бы хотел сказать, что Голиковы, талантливые живописцы, были в Палехе издревле, что корни палехского искусства уходят в далекое прошлое.

О Палехе, его древних живописных традициях, его людях, его бытовом укладе Алексей Толстой знал по разным источникам. Один из таких источников — рассказы близкого к нему художника Павла Дмитриевича Корина. П. Д. Корин — коренной палешанин, но работает он не в области лаковой миниатюры, а в области станковой живописи и монументально-декоративного искусства. Это видный советский художник, заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств. Его кисти принадлежит хороший портрет А. Н. Толстого (1940 г.). С Кориним писатель познакомился в 1932 году у Горького в Сорренто и с тех пор поддерживал с ним близкие отношения.

Павел Дмитриевич передавал мне, что воспоминания Андрея Голикова о Палехе написаны Толстым, разумеется, в творчески преображенном виде, — по его, Корина, рассказам о своем детстве. Вот, в сокращении, это место в романе: «И еще скользнуло в памяти: тихий вечер на селе на Палехе, стоит золотая пыль, мычат коровы, завораживая к своим дворам. Мать — тощая, с мужичьими плечами — идет к воротам, а их давно бы надо чинить, и двор — худой, заброшенный, Андрей и братья, — все погодки, — сидят на перевернутой телеге без колес. Ждут, терпят... Шаркая широкими боками о половинки ворот, мыча коротко, добро, входит Буренка, кормилица... Дыхнула в сторону мальчишек и пошла к колодцу пить, И тут же, у колод-

ца, мать, присев на скамеечку, стала ее доить...»

Есть сведения, что некоторые черты облика самого Корина перенесены Толстым на Андрея Голикова (тихий, задумчивый, с обостренной тягой к искусству). Но в целом Андрей Голиков — плод творческой фантазии писателя. Алексей Толстой говорил, что для него живой человек, с его яркостью и особенностью, — лишь начало выдумки действующего лица. Это положение тем более важно, когда речь идет о герое, действующем в начале XVIII столетия.

Андрей Голиков изображен Толстым как типическое лицо того времени с присущими ему конкретно-историческими чертами. В романе он совершает большую эволюцию: от старообрядческой оппозиции к Петру — до понимания прогрессивности его дела, от аскетического ухода от мирской суеты — до утверждения человека, его силы и земных радостей. В галерее народных образов романа «Петр Первый» образ Андрея Голикова — один из самых значительных и широко разработанных. Он выражает собой крепость народной души, способной выдержать любые невзгоды и испытания; он — носитель неизбывной творческой мощи русского народа. «Государь, сила чудная во мне пропадает, — пишет он в челобитной Петру... — Живописец есмь от рода Голиковых — богомазов из Палехи. Могу порсуны (картины — лица человека, не старающие и не умирающие, но дух живет в них вечно... Могу писать морские волны и корабли на них под парусами и в пущечном дыму, — весьма искусно...»

В образе Андрея Голикова сказан постоянный интерес Алексея Толстого к характеру русского человека. На этом образе лежит отпечаток глубоких патристических чувств писателя, определяющих главный мотив всего его творчества.

П. КУПРИЯНОВСКИЙ,
кандидат филологических наук.

